



П. А. КРОПОТКИН

Нужен ли анархизм в России?

Задавать подобный вопрос, по нашему мнению, также странно, как если бы мы стали спрашивать, «Нужна ли правда, истина в политической жизни? Или же ей предпочтителен обман?». Нужно ли народу говорить всю правду? Или же истинное понимание современной жизни нужно оставить только для немногих, избранных, а народу следует говорить только то, что, по мнению этих избранных, лучше ведет к достижению задач, ими самими замеченных?

Если бы подобный вопрос нам задавали люди, которые стремятся только к личной власти, мы бы поняли их. В самом деле, вообразите партию, рассуждающую так: «Социализм — дело далекое; до его осуществления мы не доживем, а потому с нас довольно таких реформ в буржуазном строе, при которых мы сможем стать политическими и газетными руководителями народа. Убедивши буржуазию, что ей несколько не опасно, а даже выгодно уступить нам часть своей власти, так как мы будем, по мере сил, удерживать народ от революции, мы получим таким образом возможность руководить народом, именно в его социалистических стремлениях, и будем, с одной стороны, занимать почетное место крайней политической партии, а вместе с тем войдем в число управителей народа, и будем распространять социалистические идеи».

Если бы люди, так рассуждающие, говорили нам, что анархизм *несвоевременен* в России, мы бы поняли их логику. Им нужен какой ни на есть парламент, нужно место в этом парламенте, а что дальше будет, об этом они мало задумываются. Точно так же

мы понимаем логику тех, которые до того верят в магическую силу власти, верховодства, управительства и начальства, что им анархизм просто ненавистен, как отрицание власти. Аракчеев и Николай I должны были чувствовать физическое отвращение к анархизму, и точно так же должны относиться к нему все те, кто смотрит на себя, как на соль земли, призванную управлять неразлучными детьми — народом.

Но логику тех, которые говорят: «Да, анархизм — великий идеал. К нему мы должны стремиться в будущем. Но, в данную минуту, в России, он не своевременен», — этой логики мы не понимаем, потому что тут нет никакой логики. Тут просто оппортунизм, а по-русски — желание угождать нашим и вашим, которое, обыкновенно, кончается тем, что партия, избравшая такую позицию, становится прямою помехою развития в народе правильного понимания действительных нужд и возможностей данной минуты.

* * *

Начать с того, что раз человек признал анархический идеал, и признал анархический способ действия, он начинает иначе относиться ко всякому экономическому и политическому вопросу, чем все остальные политические партии. Он расходится не только с буржуазными политическими партиями, — охранителями, постепеновцами и буржуазными радикалами, — но также и с социалистическими партиями, не признающими анархизма. Всё его миросозерцание приобретает новую окраску, а, следовательно, меняется его отношение ко всякому частному вопросу.

Помните ли вы тургеневского нигилиста, Базарова? Припомните слова, которыми он заканчивает свой спор с одним из представителей старого поколения. Он говорит (привожу на память): «Даю вам два дня на размышление; подумаете, и назовите мне хоть одно теперешнее учреждение, которое не заслуживало бы полного отрицания».

Раз он решился порвать с поклонением перед властью, перед буржуазною наукою и ее заветами, он понял, что ни одно из учреждений, освящаемых этою властью и этою наукою, не устоит перед критикою нигилиста. Он знал, что он и старое поколение *на всё* смотрят разنو.

Так оно и было на самом деле: молодое поколение шестидесятых годов «сжигало всё, чему поклонялось старое».

Но то же самое происходит теперь с молодым анархическим движением. Оно на всё, решительно на всё, смотрит другими глазами, чем буржуазные политики и пошедшие по их следам социалисты.

* * *

Почему? Да потому, что анархист поставил себе главной целью освобождение человечества от *всех* пут, которыми его опутали капиталисты, помещики, духовенство и представители феодального и буржуазного государства.

Он знает, что брать их порознь нельзя; что все они в круговой поруке. Рука руку моет. Помещик, капиталист, чиновник, либеральный адвокат могут коситься друг на друга и даже говорить друг другу колкости. Но раз дело дойдет до того, что крестьянин начнет бунтовать против землевладельца, или рабочий против капиталиста; раз толпа выйдет, не снявши шапки, не просит униженно о милости у барина, а станет *требовать* чего-нибудь, то все, — и помещик, и чиновник, и капиталист, и адвокат выйдут дружно стеною против народа. Не догадка это, а факт. Вспомните, сколько рабочих избili либеральные и всякие другие буржуи, когда рабочие вздумали бунтоваться в Париже в 1848-м году, или в Коммуне.

* * *

Кроме того, анархисты поняли, что если человечеству удалось по временам двигаться вперед, то всегда это было — через революцию. Периоды мирного развития — не что иное, как осуществление идей, выдвинутых во время революции. И в самой-то революции дело двигалось вперед только тогда, когда народ выступал вперед и, отстранивши буржуазию, путавшуюся в революции и мешавшую народу идти вперед, брал дело в *свои* руки, и сам шел на разрушение старого строя и созидание нового. <...>

* * *

Даже самую революцию мы, как видно, понимаем иначе, чем понимают ее писатели всех политических, буржуазных и социал-демократических, партий. Для нас, прежде всего, является вопрос: что дало *народу* данное движение? Каких немедленных практических результатов добился тот, чьим трудом живет вся

наша цивилизация, и кому, даже в момент революции, бросают лишь корку хлеба — да еще красивые слова о братстве, причем этот самый народ продолжают ненавидеть так же, как его ненавидели в былое время расфранченные дворяне.

Вопрос «Что выиграл народ в данную минуту революции?» — этот вопрос для нас бесконечно важнее всех громких, пышных фраз, произнесенных в парламенте или на площади. И еще — какая новая *идея* была выдвинута народом в данном движении, даже если ему и не удалось осуществить ее вполне? Вот почему, например, мы так дорожим *идеей свободных общин*, выдвинутой парижскими рабочими, во время Коммуны 1871-го года. Она является в наших глазах задачей, которую наиболее развитая часть французского народа наметила нам для будущего.

И, наконец, мы спрашиваем: «Какую долю принял народ в данном движении?» Если бы какая-нибудь благодетельная волшебница могла дать народу богатство, счастье одним махом своим волшебным жезлом, мы и тогда спросили бы себя: «Принимать ли этот дар? Если это счастье — простой подарок, ведь оно не продержится. Прочно живет только то, что завоевано самим народом».

Но волшебниц нынче уже нет в истории. А в политиканов, считающих себя волшебницами и обещающих народу всякие блага, мы вовсе не верим. Вот почему, когда мы читаем, как французские крестьяне, особенно в восточной Франции, *сами* уничтожили все остатки крепостного права с 1788-го по 1793-й год¹, *сами* отбирали назад у помещиков награбленные земли, *сами*, с вилами и дубинами в руках, заарестовали беглого короля и привели его назад в Париж, *сами* беспощадно уничтожали в деревнях все старое чиновничество, выросшее при крепостном праве, *сами* уничтожали в городах цеха, обратившиеся в руках государств в средство закрепощения городских рабочих, — мы радуемся этому движению. Мы видим в нем не только немедленное серьезное улучшение их быта, но нечто еще более существенное: то, что в крестьянине и рабочем того времени заговорил *человек, взбунтовавшийся* против всех насевших на него тунеядцев. Мы видим в этом народном движении (кстати сказать, богатеи правители того времени уже звали это движение анархическим), — мы видим в этом народном движении залог будущего развития; мы чувствуем, читая об нем, что страна, переживая такой подъем народного духа, сумеет устоять против нашествия королевских

и имперских войск из Германии и из Австрии, и станет на долгие годы во главе всякого передового движения в Европе. Так оно и было на деле.

* * *

Веками старались убить в народе всякую силу революционного почина. Веками старались уверить его, что его спаситель — король, царь, имперский судья, королевский чиновник, поп. И теперь есть люди, старающиеся уверить народ, что за него готовы радеть всякие благодетели, лишь бы им позволили писать законы...

Так вот пора, прямо и открыто, говорить народу: «Не верьте вы спасителям! Верьте себе самим — и бунтуйте сами, ни от кого приказа и разрешения; бунтуйте против всех, кто вас грабит и правит вами. И помните, что богатства на земле — результат труда всех людей, а отнюдь не одного какого-нибудь барина или капиталиста. Помните, что земля — ваша, что фабрики и заводы — ваши, что леса и угольные копи принадлежат вам, что железные и всякие дороги — ваши и что вам, и никому другому, принадлежит право распорядиться ими так, чтобы ими не овладели снова всякие тунеядцы».

Вот что думают анархисты в Западной Европе, и вот как, и во имя чего, они действуют.

Но если в Западной Европе сама историческая необходимость, сама жизнь, начиная с шестнадцатого столетия, и все более и более в наше время, стала выдвигать таких революционеров, то — тем более необходимы такие люди, т. е. анархисты в России.

В России они в тысячу раз необходимее, чем в Западной Европе. <...>

* * *

Те, которые говорят: «Нам теперь хоть бы какую-нибудь, хоть плохонькую конституцию», доказывают этим только, до какой степени им чужды интересы русского народа, до какой степени все их мышление проникнуто духом буржуазного либерализма, до какой степени слабо их понимание хода исторической жизни народа.

Нам нужна в России широкая, все захватывающая крестьянская и рабочая революция. Где бы она ни началась, как бы она ни разрослась, — широко или нет, — она даст России неизбеж-

ным образом представительное правление; только со следующей разницею.

Революция даст России не только *несравненно более* политической свободы, чем может дать любая конституция, *дарованная царем. Она изменит экономические, хозяйственные основы быта русского народа.* Теперь русский народ недоедает. Хронический голод — язва России. Хлеба, хлеба нужно прежде всего русскому народу! И пусть он только *силою* возьмет себе хлеб, т. е. землю, — тем самым он возьмет себе и *волю*. Пусть он также начнет завладевать фабриками, заводами, угольными и соляными копиями — всем, что нужно для жизни, — тем самым он возьмет себе и волю, настоящую — народную, а не господскую.

До чего довело нас вековое рабство, просто тяжело подумать. Даже такого мизерного подобия зачатков воли, как конституция, даже в такое время, когда за волю бьется и гибнет в России вот уже второе поколение молодежи и начинают восставать рабочие и крестьяне, — наши писатели нет-нет да продолжают *выпрашивать* себе «на чайк с вашей милости».

И нам говорят, что анархизм не нужен в России?!

